

«ГЛАЗАМИ ТВОИМИ СМЕЕТСЯ НЕБО – СТРАННОЕ, НЕ ТВОЕ»

Запись выступления Давиде Проспери и Хулиана Каррона
во время Дня начала года «Общения и освобождения»
Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 26 сентября 2015 г.

ХУЛИАН КАРРОН

Попросим Духа Святого пробудить в нас такую любовь, такую привязанность ко Христу, чтобы вся наша жизнь свидетельствовала о Нем.

Снизойди, Дух Святой

- *La mente torna*
- *I wonder as I wander*

ДАВИДЕ ПРОСПЕРИ

Добро пожаловать на нашу встречу – начало совместного пути в этом году. Приветствую и всех тех, кто по спутниковой связи присоединился к нам в других городах Италии и мира.

«Самый прекрасный день недели – понедельник, ведь в понедельник все возобновляется: возобновляется путь, замысел, возобновляется дело красоты и любви». (L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Milano: Bur, 2002. P. 31).

В этой фразе отца Джуссани заложена причина, по которой мы никогда не устаем возобновлять наш путь, потому что красота притягивает нас сильнее, чем все остальное, и мы прибегаем за поддержкой к нашей общине, чтобы она помогла нам не пасть духом, чтобы изо дня в день, из года в год в нас возрастала любовь к источнику этой красоты.

В 1964 году на духовных упражнениях в Вариготти отец Джуссани говорил: «Мы должны отстаивать красоту, потому что без красоты человек жить не может. Борьба за красоту должна коснуться каждой мелочи в нашей жизни, а иначе как же нам удастся когда-нибудь заполнить площадь Святого Петра?» (См. L. Amicone. *Il 25 aprile di Rimini // Tempi*. N. 18/2004. P. 20). Седьмого марта мы эту площадь заполнили. Мы попросили папу

о встрече, чтобы он научил нас хранить ту изначальную свежесть харизмы, без которой Движение не может приносить пользу Церкви и миру. Думаю, каждый из нас находится здесь потому, что считает опыт Движения необходимым для своей жизни. Но каким образом мы можем служить Церкви и тем самым приносить славу Христу в мире? Ответ папы, как все мы помним, касался миссионерской задачи: «Так, поместив в центр Христа и Евангелие, вы сможете быть дланями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир» (Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение». 7 марта 2015 г.*).

Впоследствии и Каррон напоминал нам на упражнениях Братства о человеческом присутствии, несущем в себе присутствие божественное: «Как его распознать? Оно выводит нас за рамки нашего умаленного восприятия, нашей рассеянности и возвращает нас к центру, ко Христу. <...> Христианство – всегда событие». (Х. Каррон. *Присутствие во взгляде*. М., 2015. С. 33–34). Мы должны отдать себе отчет в том, что здесь заложено направление: нужно поместить в центр событие, вновь открыться Христу как событию, которое произошло в истории и теперь происходит в настоящем всякий раз по-новому, и мы всякий раз по-новому призваны за ним следовать. Мы это видели на последнем Митинге в Римини. Чтобы войти в историю, Бог пользуется методом свободного избрания – Он избирает человека, Авраама. Среди множества людей, пытавшихся как-то определить Тайну, дать ей имя, только на одного падает выбор, только одному самой Тайной дается имя, «Авраам», чтобы он мог обратиться к Тайне на ты, как сын обращается на ты к своему отцу. На этом методе строится наша история.

Меня на самом деле всегда поражает, что в Движении у всего было начало. Доказательством тому биография отца Джуссани, составленная Альберто Савораной. Много лет назад одному мальчику до слез захотелось, чтобы его жизнь не была бесполезной. Он не знал, не мог себе представить, как она может приносить пользу. Но он точно знал: о чем ни попросит его Господь, он отдаст всего себя, чтобы жизнь его стала полезной всему миру, полезной Его замыслу. И мне хочется сказать: я узнаю в нем себя, узнаю себя самого, ведь во мне живет точно такое же желание! Во всех нас живет такое же желание, но в большинстве случаев мы не принимаем его всерьез, мы не готовы сказать: «Ради этого я отдам всю свою жизнь». Хотя все мы сегодня здесь именно потому, что этот мальчик, который однажды повзрослел, а потом состарился, всегда оставался верным своему желанию, точнее даже будет сказать, оставался верным Тому, Кто указал ему путь к исполнению этого желания. Масштаб харизмы, охватившей этого человека и породившей

в жизни Церкви народ, – целый мир. И мы, которым оказано предпочтение (ведь никто не обещал нам, что мы встретим то, что встретили, и узнаем то, что узнали), мы, которые видели, мы, на которых пал выбор, мы, узнавшие ни с чем не сравнимые черты лика Христова в свидетельстве общины, которая стала для нас по-человечески необходимой и несет мир в нашу жизнь, мы, которым было даровано пережить опыт непобедимой любви во встрече со Христом, – мы избраны для всего мира. Этот опыт познания был дарован нам, чтобы мы всем несли его красоту. Иначе какой смысл имело бы избрание некоторых? Оно было бы несправедливо.

Такое же чувство всегда вызывает во мне мысль о евангельском слепорожденном. Этот несчастный смотрел на себя так же, как на него смотрели окружающие: он – это *его* болезнь. Жизнь без надежды. И таких, как он, вокруг было множество, и все смотрели на них так же, следуя общепринятой точке зрения, бытовавшей тогда среди иудеев: наказание по плоти несет тот, кто нечист изнутри, грешник! Но однажды выбор пал на него – он обрел зрение. На все вопросы фарисеев и книжников он мог ответить лишь одно: знаю, что раньше не видел, а теперь вижу, я вижу реальность, и не только физическую, но и реальность меня самого, реальное представление о себе самом. Я не то, что вы говорите обо мне; я то, что отражалось во взгляде Того Человека, который смотрел на меня – смотрел именно на меня, при всей моей никчемности! – и смотрел на меня по-дружески. В тот день был избран именно он, чтобы через его изменение воссияла слава Христа, чтобы и другие как он познали истину – истину о себе самих и о мире, обо всем. Начиная с Авраама Бог всегда пользовался этим методом, и мы ветви от того же корня. Поэтому наша жизнь становится полезной, когда мы проживаем ее в соответствии с той целью, ради которой были избраны. Вспомним фразу, которую один из наших друзей поместил на памятный образок, когда его трехлетний сын умер от рака: «Главное в жизни – не совершить какие-либо деяния, а родиться и позволить себя любить».

Если мы обратимся к прошедшему году (начиная с суждения о Европе, о крахе очевидностей), то увидим, что наше действие рождается из того же вопроса, которым задавался отец Джуссани: возможно ли сегодня, в нашей реальности, возвещать о Христе с той же силой, с той же рациональной и аффективной убедительностью, которая охватила нас?

На Митинге в Римини мы имели возможность встретиться с людьми, которые свидетельствовали нам о своей вере; многие встречи произошли совсем непредвиденно, о них немало написано в сентябрьском номере *Tracce*.

Что поражает тех, кто сталкивается с нашим опытом? Почему человек остается пораженным? Почему такой человек, как Пьетро Модино, может сказать: «Сам факт, что существует место, где ставятся подобные вопросы, уже является поводом к удивлению; я вращаюсь в кругах, далеких от вашего, но, попав к вам, уже не чувствую себя далеким» (*Tracce*. N. 8/2015. P. 12)? Тут мы видим, на чем основывается удивление.

Человек встречается с неким иным присутствием, с народом, обладающим богатой идентичностью и историей, и встреча становится для него предложением. Нравится это тому, кто встречается с нами, или нет, но сила этого самобытного присутствия именно в том, что оно несет в себе предложение опыта жизни, претендующей на то, чтобы вобрать в себя все человеческие проявления и интересы. Мы видели это, например, когда распространяли листовку, посвященную выборам, и предлагали в условиях кризиса идеалов, характерного для нынешней Италии, вновь открыть, что другой – благо, а не препятствие, что он необходим для полноты нашего “я”, говорим ли мы о политике, об общественных или личных отношениях.

Вот что подразумевает безграничная открытость, свойственная диалогу в христианском смысле: истинный диалог рождается лишь в той мере, в какой я осознаю свою идентичность. Это тот метод, которым мы пользуемся при всяком сопоставлении. Настоящий диалог подразумевает зрелость моего самосознания. Отец Джуссани в книге «Рискованное дело воспитания» говорит, что без этой зрелости самосознания «я безоговорочно поддамся воздействию другого – либо другой, для меня неприемлемый, вызовет иррациональное окостенение моей позиции. Следовательно, верно, что диалог подразумевает открытость к другому, <...> но диалог предполагает также мою зрелость, критическое осознание того, что я есть» (*Ср.* Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 126).

Именно поэтому в разные моменты нашей истории последних лет мы возвращались к двум основополагающим темам – действительно основам в строительстве нового общества, позиционирующего себя как предложение для каждого. Первая из них – это тема христианской общины, общины именно ведомой, как той среды, где человек постепенно открывает, насколько христианский ответ соотносится с жизненными вопросами, где

становится доступной истина – понятие, которое многим сегодня кажется недостижимым. И вторая тема: упование на Истину, с которой человек встретился однажды, со временем дает ему силы для вовлечения в общественную жизнь, дает ему полную открытость, свободу убедительно и притягательно выражать новизну христианства, не скованную цепями «вечных» схем, далеко не всегда отвечающих потребностям нашего времени. Мне довелось констатировать это неделю назад на встрече, где присутствовало пятьсот наших школьников и преподавателей. То, что помогает нам обрести уверенность, непоколебимое сознание нашей христианской идентичности, – то же самое, что позволяет нам взрослеть на пути к нашему предназначению. Мы еще не раз вернемся к этим темам, когда будем читать только что опубликованную книгу Каррона.

При всем этом необходимо признать, что Бог, позвольте мне такое выражение, действует с иронией. Напору власти, которая диктует свою политику, Христос противопоставляет не другую власть, а непритязательное человеческое сообщество, сообщество людей, избранных Им для того, чтобы Его присутствие никогда не исчезло во времени и пространстве. При помощи этого сообщества он, как говорится в одной прекрасной образной фразе отца Джуссани, «пядь за пядью отвоевывает землю у ночи» (L. Giussani. *Tutta la terra desidera il Tuo volto*. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2015. P. 116). У нас много тому свидетельств, в первую очередь это, конечно, отец Ибрагим, настоятель католической общины в Алеппо, а вместе с ним семья Мириам и многие другие, несущие надежду тем, кому уже трудно понять, как вообще можно еще на что-то надеяться. В них продолжается история христианства, берущая начало в рождении Церкви, и они осознают, что для этого Господь и поместил их на Ближний Восток – чтобы именно там они приносили свой плод. И мы должны поддерживать наших братьев христиан в этой задаче, потому что они – семя, а семя нужно защищать.

Такие же мысли приходят мне на ум, когда я вижу, с какой любовью относятся друг ко другу наши юноши и девушки (такая любовь сегодня кажется невозможной!): с чистотой, полнотой и одновременно прозрачностью, открытостью всем и каждому; в них я вижу самый убедительный и заразительный ответ на все горячо обсуждаемые моральные вопросы нашего времени. Позвольте мне прочитать вам письмо одного двадцатичетырехлетнего парня. «Я люблю ее. И люблю Христа, да, теперь наконец я могу сказать, что люблю Его! Я люблю Его и хочу все отдать Ему... Хочу отдать все ради Его Царства, хочу потратить остаток моей жизни ради Его Царствия, потому что я счастлив, потому что я благодарен. Он

завоевал меня. <...> И все это произошло через нее. Я люблю Его через нее, и люблю ее так сильно, потому что понимаю, что ее мне дал Он. Весь мир для меня изменился, я сам изменился. Все как прежде, и одновременно с этим все по-новому. <...> Ты знаешь, я так долго жил, мучаясь желанием увидеть Его присутствие во плоти, в видимой и осязаемой форме... И в какой-то момент цветок распустился. Неожиданно, вдруг. Любовь Отца просияла в моем сердце и в моей жизни. Теперь я люблю жизнь, люблю ее как никогда, и люблю даже все то, из-за чего страдал, – да, люблю, люблю свои страдания, потому что они имели смысл. Они пробуждали во мне желание увидеть воплощение, увидеть, как Христос воплощается в моей жизни. Это и значить жить. Это и есть Жизнь».

Красота такого таинственного сообщества, величие Движения в том, что оно позволяет так любить. Молодой человек не мог бы говорить о своей любви к девушке подобным образом без Христа и без того опыта человечности, который рождается в нашей среде: Христос на самом деле «приводит человека к свершению». Ответ Бога на кризис и на проблемы нашего времени – не слова, а событие прекрасного, событие безоружной красоты, как говорится в названии книги Каррона. Что это за красота? Она там, где Бесконечное, Божественное входит в самую плоть отношений между обыкновенными людьми и преображает их любовь, настолько возвышая ее, что друг для друга они становятся образом Бога, Его славой. В знаке и через знак мы уже сегодня постигаем Тайну, когда переживаем, как через любовь между мужчиной и женщиной, через настоящую дружбу, через христианское общение действительно являет себя Бесконечное. Вот что такое эта Красота. Ее можно обнаружить в знаке, в человеческом сообществе, сколь бы непритязательным оно ни было, – там, где сияет Присутствие иного мира. Этот знак – Церковь, которую Движение всегда учило нас любить. И тот, кто живет отношением с этим Присутствием, постепенно наполняет всю окружающую его реальность положительностью и надеждой.

Поэтому мы хотим тебя спросить: как христианское свидетельство может стать ответом на пустоту и страх, которые сегодня все агрессивнее отнимают у людей вкус к жизни?

КАРРОН

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ФОРМА СВИДЕТЕЛЬСТВА

«Обстоятельства, через которые Бог ведет нас, – говорил отец Джуссани, – представляют собой главный, а не второстепенный фактор нашего призвания, нашей миссии. Если христианство – возвешение того факта, что Тайна воплотилась в человеке, то обстоятельства, в которых мы перед лицом всего мира занимаем по отношению к этому факту ту или иную позицию, определяют само наше свидетельство (*L'uomo e il suo destino*. Genova: Marietti, 1999. P. 63).

Мне кажется, благодаря пути, пройденному за последний год и описанному сейчас Давиде, нам легче будет понять эти слова отца Джуссани. Чем больше человек хочет жить верой в реальности, тем интереснее ему проникнуть в контекст жизни, и не в силу чисто социологического интереса, а из желания понять природу свидетельства, к которому мы призваны.

Возможно, мы лучше пойдем, насколько важны обстоятельства для выявления формы свидетельства, обратившись к рассказу о клоуне и горящей деревне, процитированному кардиналом Ратцингером на первых страницах «Введения в христианство», книги, вышедшей в 1968 году: «Тот, кто сегодня пытается говорить о проблемах христианской веры <...> очень быстро заметит всю диковинность такой затеи. Вскоре у него может возникнуть ощущение, что его ситуация довольно-таки верно описана в известной притче Киркегора о клоуне и горящей деревне. В этой истории говорится, как в одном датском бродячем цирке возник пожар. Директор послал уже наряженного для выступления клоуна в соседнюю деревню за помощью, поскольку существовала опасность, что огонь перекинется на деревню через поле сжатого и сухого хлеба. Клоун побежал в деревню и попросил жителей, чтобы они как можно скорее отправились к горящему цирку и помогли тушить огонь. Но поселяне приняли клоуна всего лишь за превосходный трюк, чтобы заманить как можно больше народу на представление. Они аплодировали и смеялись до слез. Клоуну же было не до смеха. Тщетно заклинал он людей понять, что это не представление, не трюк, что это горькая правда, и цирк горит на самом деле. Его мольбы лишь усиливали хохот. Люди находили, что он отлично исполняет свою роль, – до тех пор, пока огонь не перекинулся на деревню. Помогать было уже поздно; деревня сгорела вместе с цирком. <...> Верно: кто пытается говорить о вере среди людей, живущих нынешней жизнью и думающих по-современному – может и в самом деле показаться клоуном <...>»

который явился в наш мир в античном одеянии и с античным образом мыслей и не может ни понять этого мира, ни сам стать ему понятным» (Й. Ратцингер. *Введение в христианство*. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 29).

Вот почему определенные формы сообщения веры представляются сегодня столь странными, что их не принимают во внимание. Более того, они смехотворны.

Поэтому мы сейчас можем лучше понять тревогу, которую с самого начала испытывал отец Джуссани. Когда никто и предположить не мог, *что* произойдет, когда церкви были все еще переполнены, когда казалось, будто вера крайне популярна, когда во все католические ассоциации вступало множество народа, отец Джуссани пророческим образом определил проблему. И чтобы не показаться клоуном, он сразу же стал пытаться показать неотъемлемость веры от потребностей жизни. Нельзя сказать, что в пятидесятые годы веру не проповедовали – Церковь продолжала это делать, однако многие уже более не воспринимали ее как нечто неотрывно связанное с жизненными нуждами. Именно поэтому немало учеников, которых отец Джуссани встречал в лице Берше, хотя и происходили из христианских семей, отошли от веры. Отец Джуссани на личном опыте убедился в важной роли исторических обстоятельств в формировании его свидетельства. Будучи хорошо знакомым с христианской доктриной, он вынужден был задаться вопросом о наиболее сообразном способе передачи истины – предвечной истины – в стремительно менявшемся контексте.

Мир, в котором мы призваны жить верой сегодня, много лет спустя, решительно отличается даже от того, что было в недавнем прошлом. В этом мире прогрессирует секуляризация, церкви опустели, и мы наблюдаем крах очевидностей. Ко всему перечисленному добавляется следствие: пассивность, оцепенение, непреодолимая скука, препятствующая признанию реальности. Подобная ситуация – величайший вызов, стоящий в наши дни перед верой, перед христианской вестью. И прежде всего этот вызов касается нас. Если и мы в конце концов начнем воспринимать веру как некую клоунату, если нам первым не удастся уловить неотъемлемость веры от нашей жизни, то интерес к ней начнет и в нас сходить на нет. Что уж и говорить о других!

Каждый из нас вынужден отвечать на вызов, который бросает нам сложившаяся ситуация. Как говорил отец Джуссани, «опыт есть столкновение субъекта с реальностью – с реальностью, которая, будучи присутствием, призывает его и ставит перед ним вопросы («проблематизирует его»). Человеческая драма заключается в ответе не такую

проблематизацию (в «ответственности»), а ответ этот порождается в субъекте. Сила субъекта состоит в интенсивности работы его самосознания, то есть восприятия им ценностей, определяющих его личность [того, что ему дороже всего]. Эти ценности проистекают в “я” из прожитой истории, которой “я” принадлежит <...>. Радикальная гениальность субъекта состоит в силе сознания принадлежности. Поэтому народ Божий для любого человека, ему принадлежащего, становится новым культурным горизонтом» (L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: Bur, 2010. P. 131–132). По тому, как каждый из нас отвечает на вызовы настоящего, заканчивает отец Джуссани, «становится ясно, переживает ли он и в какой мере принадлежность [и принадлежность какого рода], которая есть глубинный корень всего, что мы делаем» (L. Giussani. *L'uomo e il suo destino*. Op. cit. P. 63).

Отец Джуссани выявлял два способа переживать принадлежность, порождающие два культурных облика, которые христианство принимает в мире: вера или этика, событие веры или же этические ценности. По его словам, Церковь во многих случаях «предстает <...> перед миром, не то чтобы забывая о догматическом содержании христианства [то есть о «событии веры»], но воспринимая его как само собой разумеющееся и очевидное (*ibidem*. P. 63–64) и таким образом сводя его к «некому абстрактному априори, которое человек охотно впускает в свои мысли» (*ibidem*. P. 67), а значит, вставая на защиту этики, ценностей. В подобных случаях мы словно говорим: «Я уже знаю, что такое вера, теперь мне нужно понять, что делать». Так, почти неосознанно, считая очевидным содержание веры, мы отходим от нее в сторону этики. И тогда христианство предстает уже не как событие веры, а как набор ценностей.

Отвечая на вызовы жизни, никто из нас не может не говорить о том, что ему дороже всего, что в обобщенном виде составляет содержание его самосознания: событие веры или же нравственные ценности.

Меня поражает, насколько подобная позиция, то есть отношение к событию веры как к чему-то само собой разумеющемуся, не отвечает нам и контрастирует с тем элементарным жизненным опытом, с каким мы постоянно встречаемся в песнях. О чем, например, говорится в песне Мины «*La mente torna*» (слова Дж. Могола, музыка Л. Баттисти)? О том, что, когда появляется некое «ты», «я прихожу в себя», «ум проясняется»; когда «ты говоришь со мной», я становлюсь самым собой. Помните слова Гуччини: «Я не существую, когда нет тебя» (*Vorrei*. Слова и музыка Ф. Гуччини)? Только твое присутствие вырывает

меня из плена моих мыслей. То есть «ты» другого столь неотрывно связано с определением «я», что пробуждает в нем самосознание, позволяющее встречать лицом к лицу любые обстоятельства. Следовательно, именно отношение с определенным «ты» делает возможным совершенно иной, более истинный способ пребывания в реальности, обусловленный новым самосознанием, которое это «ты» породило в нас. Принадлежность этому «ты» определяет нашу культурную позицию. Любому человеку, слушающему песню Мины ясно, *что* дороже всего для ее автора: «ты», благодаря которому «я» наконец-то становится самим собой.

Элементарный жизненный опыт свидетельствует о том, насколько я нуждаюсь в «ты», чтобы быть самим собой. Господь, сотворивший нас, прекрасно знает, как необходимо нашему «я» Его «Ты». Поэтому-то в попытке позволить нам узнать себя, Тайна «подчинилась» нашему элементарному опыту. Действительно, чтобы войти в отношение с нами, она соделалась доступной нашему опыту естественным для нас образом, так, как мы входим в отношение с любым другим «ты», помогая нам тем самым понять важность «Ты» Тайны для нас, для нашей жизни. Подчиняясь человеческому порядку взаимоотношений, Бог вошел в реальность и призвал Аврама, чтобы породить «я», полностью сотканное из Его присутствия – присутствия, которое жители Месопотамии, современники Аврама, не могли себе и представить (как сказал на Митинге наш друг, профессор Джорджо Буччеллати, они не способны были обращаться к фатуму, к судьбе на ты).

Что все это значит? С избранием Аврама в историю вошла новизна, благодаря которой вера перестала быть неким довеском, ритуалом или благочестивой практикой. Она превратилась в образующую часть нашего «я», нашего пребывания в реальности. Причина всего того, что началось в Авраме, заключается в желании Бога: «Позволим человеку переживать опыт общения со Мной в недрах его собственного “я”, чтобы он увидел, *что* такое “я”, сотворенное Мною. Но если опыт Моего Присутствия не приводит в трепет всю внутренность человека, как это было с Авраамом, он не сможет понять, кто он и Кто Я». Попробуйте представить, какой опыт этого Присутствия должен был переживать пророк Осия, чтобы сказать: «Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!» (Ос. 11, 8). Жизнь этого Бога, этого «Ты» столь насыщена, что Он не может смотреть на нас и входить с нами в отношение, не испытывая взволнованности, трепета, сочувствия перед лицом нашей судьбы. Поэтому человек, пробужденный этим «Ты», может сказать, подобно пророку Исаие: «К имени Твоему и к воспоминанию о Тебе стремилась душа наша» (Ис. 26, 8). Это означает, что не следует воспринимать самих себя, оставляя в стороне

содержание опыта веры. Произнося «я» вне этого опыта, мы принадлежим чему угодно, но только не Тайне, вошедшей в нашу жизнь. А потому и свидетельствуем лишь о том, что нам удастся сделать, что мы в состоянии вообразить, о наших усилиях, однако тогда не станет явной наша принадлежность Тайне, как это случилось с одним человеком, который пришел на работу и услышал от коллеги: «Что с тобой произошло? Почему у тебя такое лицо?» Он ничего особенного не делал, просто окружающим бросилась в глаза его инаковость.

Поэтому, выбирая для летних каникул вопрос о том, когда в нашем опыте мы заметили и признали присутствие во взгляде, мы задавали его не визионерам, охотящимся за бог знает каким мистическим опытом, а людям, которые удивляются реальности, потому что смотрят на нее, исходя из этой внутренней новизны, и не считают содержание опыта веры само собой разумеющимся. Без такой новизны, без такого взгляда вера сводится к некой благочестивой практике, не определяющей ни то, как мы пребываем в реальности, ни как живем.

Чтобы достичь Своей цели, объясняет отец Джуссани, «Бог <...> не приходит извне как неотменяемый приговор, как клетка законов, как темница, в которой мы заключены; Он возникает изнутри как глубинный источник, как спутник, без Которого мы не могли бы делать ничего. Он возникает изнутри нашего существования, ибо Он нас образует и Его надо вносить во все, из чего состоит жизнь, – в противном случае жизнь не была бы жизнью. Нужно находить Его и следовать за Ним в рамках нашего реального существования, ибо Он есть Бог живых и без Него наше реальное существование стало бы видимостью, чем-то схематичным и формальным. Таким образом, мы призваны искать тот человеческий смысл, который воскрешается в нашей памяти и создается самим способом Его явления нам, Его присутствием внутри человеческого существования» (Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 25).

Вот почему отец Джуссани, перечитывая историю израильского народа, равно как и историю Церкви, его наследницы, постоянно ставит нас перед двумя возможностями. Каждый из нас – тогда и сейчас – имеет ясную альтернативу: «решетка законов» или живое «присутствие в нашем существовании».

Однако, если событие веры, ее догматическое содержание считается само собой разумеющимся и все сводится исключительно к разъяснениям, или к диалектике, или к этике, кому из нас оно будет интересно? Мы и на минуту на нем не остановимся. Никакие наши усилия не в состоянии произвести человеческую новизну, благодаря которой Христос

увлекает нас и пробуждает в нас интерес к Себе. Авраам никогда не смог бы породить такое «я», какое было у него, если бы Тайна не выступила с инициативой и не привлекла бы его к Себе. То же произошло и с Иоанном и Андреем: им не удалось бы произвести ту человеческую новизну, что вошла в их жизнь во встрече со Христом. Сегодня каждый человек, любой из нас и все те, кого мы встречаем, находится перед следующим головокружительным вопросом: в условиях окружающего нас нигилизма, в ситуации распространяющейся пустоты, в которой все становится совершенно одинаковым, способно ли что-то захватить нас, привлечь нас настолько, чтобы определить целиком и полностью наше «я»?

Папа Франциск в послании Митингу спрашивал: «Как пробудить сознание, когда жизнь в оцепенении [под действием странной анестезии]?» (Франциск. *Послание по случаю открытия XXXVI Митинга за дружбу между народами в Римини*. 17 августа 2015 г.).

Вопрос этот крайне важен. Все точки зрения и все предложения, в том числе и наши, должны соизмеряться с ним, ведь каждый из нас занимает перед этим радикальным вызовом ту или иную позицию. Каждый отвечает, скрыто или явно, на этот вопрос: тем, как встает по утрам, как идет на работу, как смотрит на собственных детей. Так что же выведет нас из оцепенения?

2. ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ КРАСОТЫ

Как мы уже сказали, исходный опыт нуждается в соответствующей провокации, способной пробудить человека, вывести его из оцепенения. Отец Джуссани подчеркивает, что «исходный человеческий опыт», или, иными словами, религиозное чувство, совокупность очевидностей и потребностей, делающих человека человеком, «активно существовать может исключительно в форме вызова. <...> То есть в рамках того способа, каким ему брошен вызов (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza. 1975–1978*. Milano: Bur, 2006. P. 193). Следовательно, по-настоящему радикальная проблема заключается в том, чтобы существовал сообразный вызов, который способствовал бы реальному освобождению человеческого самовосприятия. Действительно, некоторые встречи представляют собой такой вызов, который заставляет наше исходное самосознание работать в полную силу, позволяют нашему «я» восстать из пепла забывчивости и всевозможных умалений.

Это объясняет, почему папа, памятуя о тех, кто в сегодняшней ситуации падает духом, написал все в том же послании Митингу: «Для Церкви открывается притягательный путь,

как в самом начале христианской истории». Как раз такие обстоятельства представляются ему «заманчивой» возможностью.

Что убедило Закхея, Матфея, самарянку, женщину, взятую в прелюбодеянии? Свод законов, навязанных извне, или же Его инаковость? Ответ мы находим в их реакции: «Никогда ничего такого мы не видали» (*Мк.* 2, 12). «Никто никогда не говорил так, как Этот Человек» (Ср. *Ин.* 7, 46). Их влек опыт, пережитый рядом со Христом, «догматическое содержание христианства, его онтологическая составляющая», если выразиться словами Джуссани, сообщавшая им не ценности, а тайну Его личности, которую даже ученики не в состоянии были понять: «Если такова обязанность человека к жене [говорили они в ответ на слова Иисуса о нерасторжимости брака], то лучше [и вовсе] не жениться» (*Мф.* 19, 10). Почему же они по-прежнему следовали за Ним? И почему при всей Своей странности Иисус не казался им клоуном? Стоит перечитать Евангелие с этим вопросом в голове, чтобы заново открыть его.

Не потому ли в нас, христианах, видят клоунов, что мы приняли как само собой разумеющееся событие веры, и отошли, по словам Джуссани, от догматического содержания в сторону этики? Мы можем вставать на защиту правильной доктрины и кричать о ней на всех углах, но других людей это совершенно не затронет, и они никак не изменят свой взгляд на нас. Мы можем приводить наши непоколебимые доводы или апеллировать к этическим ценностям, вполне верным, но это не сдвинет окружающих ни на миллиметр. Более того, они увидят в нас лишь клоунов. Христианство, сведенное к набору ценностей или к перечню законов, кажется им клоунадой, а мы, христиане, для них не более чем клоуны, часть цирка.

Так способно ли что-то изменить ситуацию, затронуть нас и других людей до самой глубины, проникнуть в них до мозга костей, чтобы они перестали думать, будто христианство – это клоунада? Да, способно. И поэтому сегодня, как и во времена Иисуса, христианин перестает ассоциироваться с клоуном и вынуждает тех, с кем встречается, встать на путь, исход которого неизвестен. Мой друг, священник, живущий в Англии, рассказывал мне: «Как-то раз после мессы подошла ко мне одна мама с полуторогодовалым ребенком и сказала: “Я бы хотела попросить о Крещении”. Я никогда ее раньше не видел. Через пару недель по пути домой мы с ней разговорились. Как это часто случается в Англии, она и отец малыша не женаты. Ребенок родился из пробирки. Я также узнал, что был и другой эмбрион, его заморозили [представляете себе ситуацию: ребенок в морозильной камере!]. Я подумал:

ясно, что невозможно составить для такой пары список всех правильных вещей, которые они упустили. И все же эта женщина искала меня, очевидно движимая определенным интересом. Тогда я спросил: “Почему ты пришла?” Она ответила: “На самом деле меня крестили в детстве, я жила по-христиански, и все было замечательно: школа, церковь. Потом я бросила, но сейчас мне хотелось бы того же самого для моих детей”. Я уже собирался уходить, когда вдруг остановился и сказал: “Я понимаю, твой муж болел, у вас была куча проблем. Хочу сказать тебе вот что: Бог в действительности никогда не терял вас из виду, Он не ошибся, не забыл и не сводил с вас глаз. То же самое происходит в твоих отношениях с ребенком: часто он не понимает твоих действий, ему не ясно, почему ты что-то разрешаешь. Но ты смотришь на то благо, что в нем заложено. Так же и Бог: Он всегда смотрел на тебя, Он отлично тебя знает и хочет совершить нечто великое в твоей жизни и в жизни твоей семьи, даже через боль и другие испытания”. Та женщина заплакала, а после начала приходить в церковь каждое воскресенье. Я понял, что не мог ограничиться перечнем этических норм, которые она нарушила. Вопрос был в том, чтобы ей удалось обрести шанс в жизни, что и произошло, а остальное постепенно разрешится».

Мне кажется, перед нами пример того, как в отношении с другим исходить из содержания веры, а не из этики.

Этот же друг священник рассказал и о следующем случае: «Я получил письмо от одной женщины, в котором она пишет: “Я бы хотела стать вашей прихожанкой”. Я навестил ее и спросил: “Почему ты хочешь стать моей прихожанкой?” – “Потому что желаю этого для себя самой и для моих детей”. – “А что значит, что ты хочешь стать прихожанкой? Ты католичка?” – “Нет”. – “Англичанка?”. – “Нет. Если честно, я даже не крещена”. – “А, значит, твой муж – христианин [как нередко случается], и благодаря ему ты приблизилась к вере?” – “Нет, нет, мой муж не католик, не англиканец, он тоже некрещеный”. – “Ну, тогда дело в родителях? Должна же быть какая-то связь с Церковью! Почему же ты хочешь прийти [его переполняло любопытство]?” – “Скажу начистоту. Я по профессии няня, как и моя мама. У нее большой дом, и каждый день туда приходит восемьдесят детей, и мы присматриваем за ними, пока их родители работают. Я занимаюсь этим уже несколько лет и постепенно поняла, что дети из твоей школы и из твоего прихода отличаются от остальных, как отличаются и их родители. И я хочу того же самого и для себя. Что мне делать?” Я ответил ей: “Я познакомлю тебя с некоторыми мамами. Если хочешь, приходи на школу общины, там есть люди, которые готовятся к Крещению. Дальше

видно будет. Можешь приходить и на мессу”. – “Я думала, что не могу ходить на мессу, что мне нельзя, ведь я не католичка, но, если честно, я уже была на ней два раза тайком”. – “И что случилось?” – “Я прожила неделю иначе: те песни, то, что происходило... я многого не понимаю, но одно мне ясно, и это подпитывает меня на протяжении всей недели”. Я могу утверждать, что некоторые люди возвращаются сейчас к вере, поскольку у них не осталось предубеждений [продолжает священник], и вера для них уже не само собой разумеется. Однако тут все по-другому: те, с кем я встречаюсь, не в состоянии считать ее чем-то само собой разумеющимся по одной простой причине: они вообще не знают, что это, у них даже не может сложиться предубеждение».

Когда мы улавливаем эту иную жизнь, она вызывает в нас удивление, схожее с тем, что мы сейчас видели, или с тем, о котором говорил нам отец Ибрагим, рассказывая о мусульманине, ходившем за водой к колодцу францисканского монастыря в Алеппо и однажды признавшемся: «Отец, я смотрю, как люди приходят за водой, и удивляюсь. Они улыбаются и хранят мир в сердце, не ссорятся и не повышают голос. Я объездил весь Алеппо и знаю, что происходит: люди убивают друг друга, лишь бы приблизиться к колодцу. Вы же, напротив, полны покоя и радости. Отец, вы отличаетесь от всех остальных» (О. Ибрагим Альсабах. *Причина жить и причина умирать*).

О том же свидетельствует один наш друг, живущий в Калифорнии: «Я работаю с инвалидами от рождения и с ветеранами, на которых война оставила глубокий отпечаток. Из дня в день я сталкиваюсь с человеческими ограничениями: физическими и умственными. Например, одна сорокалетняя женщина, долгое время служившая в армии и подвергавшаяся в том числе и физическому насилию, говорит, что в последние пятнадцать лет живет словно под наркозом. Нанесенные ей травмы не позволяют установить положительное отношение с реальностью: для нее невозможен поход в супермаркет за покупками, поскольку, оказавшись между стеллажами, она начинает бояться, что на нее нападут. Ей не удалось удержаться на работе, она просыпалась в три утра от щебета птиц: “Они сводили меня с ума, я бы их всех перебила! Это невыносимо”. Месяц назад, через год после нашего знакомства, совместной работы (мы учили ее работать) и совместной жизни, она сказала нам: “Я просыпаюсь в три утра, мне по-прежнему не удастся заснуть, но теперь я начинаю любить, смотреть с любовью даже на поющих птиц. Почему? Потому что кто-то взглянул на меня и пробудил все ожидание моего сердца”». Наш друг из Калифорнии добавляет: «Эта женщина не из Движения, но она выразилась следующими словами:

“Сейчас мое сердце живо”. Почему? “Потому что я увидела что-то, кого-то, и от этого во мне пробудилась способность быть самой собой”. Красота событий этого года и в особенности встречи с папой Франциском позволила мне понять, что единственная моя ответственность в том, чтобы жить этой достигшей меня притягательностью. Остальное творит Он: это Он меняет жизнь других людей. Несколько недель назад меня и одну мою коллегу пригласили на конференцию, чтобы мы рассказали о нашей деятельности. Обычно, когда тебя представляют на таких мероприятиях, перечисляют все твои заслуги и звания. И вот, кто-то начинает описывать, кто мы, в какой компании работаем, но вдруг останавливается и говорит: “Но вообще-то, Гвидо и Нэнси – сердце того, что и мы делаем”. Меня это тронуло, в смысле затронуло что-то во мне: я всего лишь жил (и это самое поразительное), я не разводил речей, а человек, который совсем меня не знал, смог сказать: “Я смотрю на твое сердце, ведь в нем – корень всего того, чем и мы занимаемся”. Когда кто-то видит тебя и говорит: “Я отождествляю себя с сердцем, которое ты выражаешь”, – это, по-моему, самое великое свидетельство, какое только можно дать, и оно рождается, если человек живет притягательностью встречи со Христом».

Что изменило ту женщину, обреченную на искаженные отношения с реальностью? Новизна, вошедшая в историю через Авраама и дошедшая до нас без каких-то особенных усилий с нашей стороны. Результат прост: «Я начинаю любить даже птиц», – а ведь раньше она готова была их перебить. Следовательно, Присутствие, проходящее через нас, способно менять жизнь, и оно столь важно, что без него, как поет Мина в другой песне, все было бы потеряно: «И если завтра <...> неожиданно я потеряла бы тебя, / я бы потеряла не только тебя, но целый мир» (*E se domani*. Слова Дж. Калабрезе, музыка К. А. Росси).

Без «Ты» наше «я» теряет целый мир. Теряет все. Но нам, как говорит отец Джуссани, оно кажется лишь сказкой! «Когда человек просыпается по утрам, когда сталкивается с трудностями, разочарованием, тревогами или помехами, образ Другого, сопровождающего его [жизнь] <...>, снисходящего до него [такого, какой он есть], чтобы вернуть его самому себе, словно сон» (*Ср. Л. Джуссани. В поисках человеческого лица. Указ. соч. С. 21*). Вот почему в каждый момент мы все проверяем, является ли для нас догматическое содержание веры реальным фактом или же оно лишь сказка, лишь сон. Именно это определяет нашу принадлежность. Мы можем быть рассеянными, полными недостатков, но, если нам важнее всего содержание веры, тогда Факт проходит через нас, мы несем его в себе настолько, что он пробуждает и в других любовь к реальности.

Поэтому, когда мы не переживаем это полное привязанности отношение с реальностью, когда усложняем жизнь и воспринимаем отношение с реальностью как насилие, дело тут не в ужасных птицах, не в том, что обстоятельства против нас, дело не в болезни, не в начальнике и не в тех, кто нас не понимает, дело не в том, что все неправильно или плохо. Нет, нет и нет! Проблема в нехватке «Ты», которое позволяет всему – всему! – стать нам дружественным, даже птицам, которых раньше той женщине хотелось уничтожить.

О чем говорят нам эти свидетельства? Что позволило тем женщинам не увидеть в христианстве клоунаду, а в христианах – клоунов? Новизна жизни, которую они уловили изнутри собственного существования. В мировом цирке, со всеми его актерами и клоунами, со всеми его модными интерпретациями, в мире, где все «жидко», как говорит Зигмунд Бауман, все равноценно, – что же в этом мире является столь реальным, столь притягательным, чтобы полностью охватить нас, чтобы нам не хотелось это потерять?

«Человек узнает истину о самом себе, – подчеркивал отец Джуссани, – благодаря опыту красоты, благодаря опыту вкуса к жизни, благодаря опыту соответствия, благодаря опыту притягательности, которую она [истина] пробуждает <...>. Красота истины позволяет мне говорить: “Вот истина!”» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose. 1979–1981*. Milano: Bui, 2007. P. 219–220). Притягательность означает: «Я притягиваю тебя к...» – то есть ты словно выходишь из самого себя и устремляешься к кому-то другому.

Поэтому Джуссани говорил, что «современный человек, как никогда прежде в истории наделенный прикладными способностями, с большим трудом видит во Христе ясный и уверенный ответ на смысл своей собственной изобретательности. Институты зачастую не предлагают живым образом такой ответ. Сегодня недостает не словесного или культурного повторения вести [тут не обойтись одной лишь доктриной, как бы ожесточенно мы ее ни утверждали; не будет достаточно и списка дел]. Современный человек ожидает, возможно неосознанно, опыта встречи с людьми, для которых факт Христа столь реален, что меняет их жизнь. [Представления о цирке и клоунах рассеиваются перед реальностью Христа, реальностью столь настоящей, что она меняет людей, встречающих ее.] Современного человека способно встряхнуть человеческое столкновение, событие, в котором эхом отзывается изначальное событие, момент, когда Иисус поднял глаза и сказал: “Закхей, сойди

скорее с дерева, Я иду к тебе домой»» (L. Giussani. *Intervento al Sinodo, 1987 // L'avvenimento cristiano*. Milano: Bur, 2003. P. 23–24).

Где же можно найти красоту, которая притягивает меня и пробуждает? Как «я», затерявшееся в тоске и оцепеневшее, может вновь обрести себя? Отец Джуссани ясно сказал нам об этом: «Личность обретает себя в живой встрече, в присутствии, с которым она сталкивается, столь притягательным, что оно бросает ей вызов. Иными словами, оно ставит ее перед фактом, что наше сердце со всем из чего оно состоит, со всеми образующими его потребностями, есть, существует. Это присутствие говорит тебе: “То, из чего соткано твое сердце, существует; видишь, например, оно существует во мне”. Вот единственное, что притягивает нас и побуждает идти в глубину самих себя» (L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Milano: Bur, 2010. P. 182).

Встреча с этим присутствием излучает притягательность и высекает искру.

3. ИСКРА

«Истина, – говорит отец Джуссани, – подобна лицу прекрасной женщины: ты не можешь, ты просто не в состоянии не сказать, что оно прекрасно! [Оно вынуждает тебя сказать это.] Но, даже если отвлечься от сравнения, истина неизбежно заставляет тебя признать ее. На какую-то долю мгновения человеческое сердце приходит в волнение. Вот это я и называю искрой. <...> Эта искра, это предчувствие чего-то истинного для тебя, возможно, почти неосязаемое, возможно, туманное, смутное – хотя неправильно называть его смутным [тут он поправляется], оно не было смутным, по крайней мере на миг это была искра, а значит, в ней не было ничего смутного, и оно породило, возможно, едва различимо, волнение, взволнованность, испытывая которую “мы почувствовали в себе благодарность и изумление перед лицом произошедшего”. Та искра словно выявила нищету духа, возможно, частицу, частичку – не больше пылинки – нищеты духа. Та искра словно была пламенем, горящим углем, который проник до самого нашего нутра, обнажил наше существо, то есть наше сердце, он пронизал нашу плоть и породил мгновение, опыт нищеты духа, простоты сердца (“мы почувствовали в себе благодарность и изумление перед лицом произошедшего”). Эта искра, – заканчивает отец Джуссани, – знаменует начало нового сознания о собственном истоке» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose. 1979–1981*. Op. cit. P. 207–208, 215).

Когда кто-то замечает в нас такую искру, он перестает считать нас клоунами.

Один студент архитектурного факультета пишет: «Мы собирались готовить выставку о флорентийском Дуомо. Когда мы пришли на место нашего стенда в выставочном центре, архитектор, который подготовил проект и должен был работать с нами на протяжении всей недели перед Митингом, встретил нас следующими словами: “Привет, ребята! Я не из Движения, мне поручили подготовить эту выставку, и я здесь, чтобы работать с вами”. Закончив фразу, он тут же надел рабочий комбинезон и начал вместе с нами красить, таскать тяжести, штукатурить... Тем же вечером он присоединился к нам на ужине для волонтеров. Он работал и ел с нами на протяжении пяти дней. Между нами зародились теплые отношения. В воскресенье он сообщил, что должен поехать во Флоренцию по делам и больше не вернется. Однако, к нашему великому удивлению, во вторник утром он был в выставочном центре – счастливый и готовый к работе. “Ребята, я вернулся, потому что мне вас слишком не хватало! Я никогда не видел, чтобы так работали. В вас есть что-то, чего нет в остальных людях. Раньше у меня было множество предубеждений в отношении Движения, но я заикливался на каких-то частностях, вместо того чтобы смотреть на целостную картину”».

Другой человек рассказывает: «За семь дней каникул каждый так или иначе убедился, что в нашу среду вошла иная мера, и когда она проявляется, ее нельзя не заметить. Ее заметили даже трое наших китайских друзей, приехавших в наш университет по двухлетней программе культурного обмена. Мы познакомились с ними несколько месяцев назад. Их поразило все, что произошло, и прежде всего возможность существования настоящей близости между столь далекими в географическом смысле людьми. Их нигде никогда так раньше не принимали и не обнимали. Они увидели в действии “любовь, которая растрогала их”. По признанию Маттео, увиденное помогло ему понять разницу между католической религией и буддизмом: первая – это жизнь, а не череда ритуалов, обязательных к исполнению. Его очень привлекла такая жизнь, которую он наблюдал в действии».

Еще одна наша подруга вместе с однокурсниками провела все лето, работая над проектом своего профессора. Как-то раз она сказала друзьям: «Ребята, вы обязательно должны увидеть нечто прекрасное». Речь шла о Митинге. И вот что произошло: «Благодаря дружбе, родившейся между нами, они приехали и были настолько изумлены, что я, отлично знающая Митинг, сама удивилась и начала смотреть на все их глазами. Мы прожили невероятный день, полный встреч. Они были очень довольны. Больше всего меня поразила девушка из Греции, которая, когда мы возвращались к машине, взглянула на меня и сказала:

“Что такого есть в этих людях?” Я ответила: “Не знаю, а что такого? Скажи мне ты”. И она сказала: “Они свободны, они счастливы. У тех, с кем ты меня познакомила, есть во взгляде какая-то живость. У них живой взгляд, и они свободны, как маленькие дети”. Она продолжала настоятельно просить, чтобы я разъяснила ей эту живость во взгляде. Тогда я призналась, что тот же самый вопрос возник и у меня, когда я познакомилась с ними: что это за живость? Так я рассказала о том, что произошло со мной, о моем обращении, я сказала, что люди, которых она встретила, были католиками. Она словно застыла на месте и все говорила: “Но тогда значит, что христианство – это встреча! Мне не нравятся правила, но ты говоришь о встрече, и я последовала бы за этим живым взглядом хоть на край света, поскольку и сама хочу так смотреть”».

Если бы наша подруга не согласилась на неожиданные изменения в привычных летних планах, она не смогла бы увидеть то, что увидела. И что же именно она увидела? Каким «ударом» становится для почти незнакомого человека встреча со свободными и счастливыми людьми, у которых есть живость во взгляде. В их глазах проскакивает искра. «От чего рождается такая живость во взгляде?» – спрашивала она. От того, что они все делают правильно? Их глазами смеется небо, которое им не принадлежит. Они «как маленькие дети», их поражает это небо. Что должно случиться, чтобы взрослый человек настолько превратился в «ребенка»? Девушка из Греции ничего не знала о христианстве, но сказала: «Я последовала бы за этим взглядом хоть на край света». Ничего общего с клоунадой! Ничего общего с клоунами! Сейчас это повторяется точно так же, как и две тысячи лет назад.

Комментируя во время поездки на Кубу призвание святого Матфея, папа Франциск сказал: «Он сам в своем Евангелии рассказывает нам, как произошла встреча, отметившая всю его жизнь, он вводит нас в “игру взглядов”, способную преобразовать историю [историю, а не только того человека!]. В один прекрасный день, ничем не отличавшийся от любого другого, когда он сидел у сбора пошлин, проходивший мимо Иисус увидел его, приблизился и сказал: “Следуй за Мной”. И Матфей встал и последовал за Ним. Иисус посмотрел на него. Сколь сильная любовь должна была быть заключена в Его взгляде, чтобы заставить того человека подняться! Нам известно, что Матфей был мытарем, собиравшим с евреев пошлины в пользу римской казны. Мытари пользовались дурной славой, их считали грешниками, а потому они жили в отчуждении и во всеобщем презрении. С ними нельзя было вкушать пищу, говорить или молиться. В глазах народа они были предателями,

обиравшими собственный народ и обогащавшими народ чужой. Такое положение занимали мытари в обществе. И вот Иисус остановился, Он не прошел мимо второпях, а медленно посмотрел на Матфея, посмотрел миролюбиво. Посмотрел глазами, полными милосердия, посмотрел, как никто никогда раньше не смотрел. И тот взгляд открыл его сердце, сделал его свободным, исцелил его, даровал ему надежду, новую жизнь, как и Закхею, и Вартимею, и Марии Магдалине, и Петру, и каждому из нас» (Франциск. *Проповедь*. Площадь Революции, Ольгин, Куба, 21 сентября 2015 г.).

Сегодня, как и тогда, существуют такие способы жить христианством здесь и сейчас, которые не кажутся людям странными, напротив, они притягивают их как ничто другое. В подобных фактах содержание совпадает с методом. Им не нужно ничего добавлять для пущей внушительности, достаточно привлекательности этой «живости во взгляде», этой «игры взглядов». Никакое лекарство, никакой наркотик, никакой гуру, никакая власть, никакой успех, никакая стратегия не способны воссоздать такую живость во взгляде.

Отсюда рождается решение. «Решение рождается только от открытия того, что мое “я” привлечено Другим, что состоятельность моего “я”, моего существа, моего сердца совпадает с тем, что “я привлечен Другим” <...>. В этом Другом – смысл динамики моего “я”, моей жизни, этой динамики, которая и есть моя жизнь. Говоря “я”, я описываю динамику, устремленную к другому, к Другому. Другой образует мою жизнь, потому что Другой привлекает меня и я “притянут им”, я состою из этой притягательности <...>. [“Я последовала бы за этим живым взглядом хоть на край света”.] Решение, следовательно, рождается, когда человек открывает свою природу, понимает, что он «притянут», и потому, как говорит святой Павел (которого мы всегда цитируем): “Уже не я живу, но нечто другое живет во мне”. Это и есть притягательность: нечто другое живет во мне и дает мне жизнь. Решение рождается, когда человек замечает это, когда в нем появляется это новое сознание, эта новизна самовосприятия, самоощущения. И именно в такой момент он по-настоящему зачинается – как мужчина и женщина зачинают ребенка, и зачинают они его из притягательности. Пример не идеальный, но более глубокую аналогию сложно провести. От этого крепкого объятия моего “я” с Другим, притягательность Которого я открываю, принимаю и признаю, я действительно обретаю свое начало. Без простоты сердца, без сердечной чистоты, без нищеты духа это не происходит, потому что там, где нет нищеты духа, эту притягательность терпят, но не признают в полноте: к ней относятся сдержанно,

и “зачатия” не получается» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose. 1979–1981*. Op. cit. P. 216–218).

Именно такая динамика помогает нам понять смысл следования. Говорю это чтобы ответить на заданный мне вопрос о том, что значит следовать. Следовать, как и принимать решение, легко: «Я последовала бы за этим живым взглядом хоть на край света». Почему следовать легко? Потому что следовать – значит идти за пленившей меня притягательностью. Проблема заключается в том, что часто мы не следуем за пленившим нас событием с ясным осознанием происходящего. Для нас следование превращается в своего рода волюнтаризм, в соответствие неким нормам, доктрине, в защиту определенных ценностей. А отец Джуссани показывал нам, что следование есть движение, решение, принятое под действием притягательности, поскольку проблема свободы состоит в том, находит ли она что-то настолько привлекательное, чтобы в человеке родилось желание прилепиться к этому! Поэтому через каждое слово, через каждый встающий перед нами вызов мы как будто должны постоянно познавать природу веры, природу христианства, его онтологию. В противном случае те же христианские слова обращаются в камни, ничего уже более не говорящие, тогда как, чтобы понять их, достаточно всего лишь позволить себе удивиться тем моментам, в которые имеет место событие, красота. Один из таких моментов мы ясно увидели на Митинге, во время встречи, посвященной избранию Авраама и современным вызовам, когда после исполнения скрипичной партии профессор Вайлер глубоко вздохнул в микрофон и тут же добавил: «Нужно немного времени, чтобы прийти в себя...» (X. Каррон, Й. Вайлер, М. Маджони. *Избрание Авраама и вызовы современности*). Вот в этом-то все и дело! Именно в такие моменты можно начинать заново, с этого места все возобновляется. Следование рождается отсюда: притягательная красота скрипки заставляет человека глубоко дышать. Все просто! Следование, как и изначальная встреча, есть событие, за которым нужно идти.

Почему же, если все так просто, нам это кажется настолько сложным?

Проблема в том, что мы сопротивляемся этому методу, методу Бога. И это по-настоящему печально: несмотря на происходящие с нами события – как те, о которых мы узнали сегодня или о которых рассказываем друг другу каждый раз при встрече, мы сопротивляемся и ничему не учимся. А значит, и не следуем. Я не говорю о не-следовании за мной, это никому не интересно, я говорю о не-следовании за тем, что Он творит и за чем я первый хочу следовать. Вот наша проблема: мы снова и снова убеждаемся, что событие,

встреча – единственный способ привести в движение наше сердце (именно так поступил Бог с Авраамом, с Иоанном и Андреем), но тем не менее продолжаем полагать, будто существует другой, более действенный метод, позволяющей привлечь «я». Тогда как все очень просто: достаточно следовать за тем, что творит Христос.

«Как-то вечером мы говорили с моими однокурсниками о семье, и одна девушка все никак не могла понять. Все поменялось, когда я рассказал ей о том, что случилось в моей собственной семье. Я неоднократно уходил из дома, поднимал руку на моего отца и на протяжении двух лет с ним не разговаривал. Ситуацию изменили не законы и не революция, а встреча с людьми из Движения, произошедшая со мной четыре года назад. Благодаря дружбе с ними, в которой все мое зло прощено, благодаря новым красоте и вкусу жизни, моя семья расцвела. Это отношение меняет меня и тех, кто меня окружает, хотя я ничего особенного и не делаю. Я рассказал той девушке об одной моей двоюродной сестре: она с семьей живет в другом городе и каждый год приезжает к нам на каникулы. В прошлом году они были у нас на Рождество, мы просто пообедали и открыли подарки. После обеда двоюродная сестра подошла ко мне и сказала: “Мне кажется, мои родители вместе ради меня, а не потому, что они любят друг друга. А в твоей семье есть единство, и я хотела бы, чтобы и у нас было так”. Пока она говорила, я думал о том, что именно она увидела. Еще несколько лет назад мою семью никак нельзя было назвать единой, я даже не ел дома. А ее впечатлило, как мы находились за столом. Потом она сказала: “В детстве мы играли вместе, но потом ты стал невыносимым. Теперь же я вижу, что у тебя снова взгляд, как у ребенка”. Меня ее слова поразили, и поэтому я просто пригласил ее на каритативу: мы с друзьями отнесли продукты людям из бедных кварталов. Через день после возвращения домой сестра позвонила мне в слезах: “Я чувствую, что мне чего-то недостает, как никогда в жизни”. Мне это показалось немного сентиментальным, но она тут же добавила: “Сегодня я проснулась в семь утра и отправилась в центр города, дошла до муниципалитета и спросила в окошке службы по работе с молодежью, где у нас тут *Общение и освобождение*”».

Мы же продолжаем считать, что у нас есть более мощный, более действенный в исторической перспективе и более убедительный метод. Ответьте мне, неужели кто-то может думать, будто метод, изобретенный нами, окажется более действенным, нежели метод, избранный Богом? Нечего и надеяться, что наши дела позволят нам вернуть утраченное. И поэтому наша ответственность состоит в том, чтобы не противиться методу Бога.

Еще раз отец Джуссани просвещает нас и указывает на конечную причину нашего сопротивления, заключающуюся не в непоследовательности (как мы могли бы предположить), а в аффективной сухости. «Наша главная ошибка, вследствие которой мы столь нерешительны и ограничены, заключается в абсолютной черствости по отношению к вкусу прекрасного, к эстетическому вкусу, а отсюда и наше впечатляющее сопротивление охватывающим нас веселью, радости, живости – живости! Потому что только прекрасное, то, что кажется тебе прекрасным, что делает тебя живым, то есть служит катализатором твоей жизненной энергии, и есть твоя жизнь. В вас, в нынешней молодежи, наблюдается острая нехватка, ужасающая нехватка удивления перед лицом красоты, способность воспринимать прекрасное. Вас же поражает лишь то, что вызывает чистую реакцию, реактивность. То, что затрагивает вас, вызывает реактивность: вызывает реактивность и замыкает вас в самих себе, и потому все, что вам встречается, вы используете только для себя, исключительно в собственных интересах. Удивление же, восприятие красоты прямо противоположно: это глаза <...> распахнутые, чтобы внимать, смотреть, получать. <...> Вы [говорил он студентам в 1980 году] не способны на привязанность», и причина этого в отупении. Искра, про которую мы говорили, «появляется и принимается в меру нашей аффективной способности, то есть нашей эстетической способности, нашего эстетического вкуса, эстетического чутья, нашей способности воспринимать прекрасное. А нищета сердца, или простота сердца, – это такая этическая позиция, которая способствует эстетическому развитию. Понаблюдайте за тем, как ребенок смотрит на вещи: его глаза широко распахнуты! Красота и пульсирование реальности вливаются в него, а мы, находясь рядом с ним, пребываем в отупении» (*Certi di alcune grandi cose. 1979–1981. Op. cit. P. 220, 223*). Вот из-за этого-то отупения появляется странность, о которой говорит Павезе: «Глазами твоими смеется небо – странное, не твое» (Ч. Павезе. *Ноктюрн*). Отец Джуссани комментировал: «Смеется твоими глазами: ты создан Другим из неба, для неба, и оно смеется, потому что сердце есть жажда счастья и красоты. Однако небо это не твое, и ты его не хочешь» (*Можно ли жить так. Упражнения Братства «Общения и освобождения», 1995 г.*)

Когда мы отвечаем на вызовы реальности, в нас всегда сквозит наша принадлежность, то, что нам дороже всего, и это определяет культурную позицию, которую мы занимаем в мире. Меня поразило, как в 1981 году, спустя несколько дней после провалившегося референдума об абортах, обращаясь к ответственным Движения, отец Джуссани обобщено

описал содержание самосознания тех, кто активно в нем участвовал, и определил, что было для них дороже всего, откуда рождалась их культурная позиция: «Референдум выявил в руководстве Движения тоску, печальную констатацию того факта, что событие Христа не воспринималось и не воспринимается как ценность жизни». То, что произошло во время референдума, по его словам, явилось выражением повседневной жизни общины: «В нормальной жизни нашей общины и руководства Движения нет ясности относительно ценности веры для нас. Коротко говоря, Иисус Христос нас не касается».

Он также с точностью указывал нам, по какому пути следовать. Есть смысл прислушаться к нему: «Иисус Христос должен быть очевидным для нас! Вот направление. “Я не знаю ничего кроме Христа”, и Христа исторического, Который в конце концов был вычеркнут из жизни. Христос становится присутствием для других, если Он является присутствием для меня! Я сам присутствие Христово: оно проявляется благодаря сообщению события Его личности, тайны Его личности [это подтверждают свидетельства, которые мы сегодня услышали]. Тут есть одно следствие: поймите, Движение спасет именно такое меньшинство! Краеугольный камень будущего – реальное свидетельство [тех, кто прирастает к Нему]». Он также добавлял: «Крайне сложно, сложно в статистическом смысле слова, найти по-настоящему живых людей, объединяющихся ради святости, то есть веры, во Христе, чтобы учиться вере, чтобы жить верой и свидетельствовать о ней. Эта сложность усугубляется тем фактом, что со статистической точки зрения нашим взрослым будет крайне нелегко найти таких наставников, таких вдохновителей. Движение поведут [вперед] те, кто ни на секунду не воспримет собственное меньшинство [в каком они оказались после референдума, когда против абортотвы высказалось всего 32% голосовавших] как неполноценность, потому что определенная ценность расширит их сердце. Ценность же всего одна, одна-единственная! Ведь даже жизнь ничего бы не стоила без Христа, без события Христа! Движение поведут вперед люди, с которыми произошла эта встреча, а знак того, что она произошла, – способность к братской жизни, способность быть в компании». Движение поведут вперед те, кто, подобно Иоанну и Андрею, не смог вычеркнуть из жизни содержание опыта, прожитого со Христом, догматическое его содержание, и кто держится друг друга именно ради этого. Поэтому отец Джуссани настаивал: «Свидетельство взрослого человека – вот как называется будущее Движения», – и добавлял: «В такой момент было бы прекрасно, если бы нас было двенадцать во всем мире» (FRATERNITÀ DI COMUNIONE

E LIBERAZIONE. *Documentazione audiovisiva*. Consiglio nazionale di CL, Milano, 30–31 maggio 1981).

В чем же заключается свидетельство? «Быть присутствием в какой-либо ситуации – значит нарушать привычный ход вещей так, что, если бы тебя не было, все бы это заметили. Где бы ты ни оказался, другие либо разозлятся, либо посмотрят на тебя в восхищении, либо сделают вид, что им все равно, но они не смогут не признать твоей “инаковости”».

Какова природа такого свидетельства? «Мы по-настоящему благовествуем посредством того, *что* Христос нарушает в привычном нам течении жизни, посредством пертурбаций, которые Он производит в нас: *Христос через нас становится присутствием благодаря изменению, совершаемому Им в нас. Вот смысл свидетельства*» (L. Giussani. 1954. *Cronaca di una nascita. Appunti da una conversazione con un gruppo di giovani, 19 marzo 1979 // Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Roma: EDIT-Il Sabato, 1993. P. 346).

Как мы видели, это свидетельство, далекое от того, чтобы быть малозначимым и представлять христианство в виде клоунады, а христиан – в виде клоунов, пробуждает любопытство, интерес, позволяющий начать совершенно неожиданный диалог, в том числе и с теми, кто нам кажется далеким. Именно так мы можем ответить на призыв, с которым папа Франциск недавно обратился к американским епископам и который я ощутил обращенным лично ко мне, к нам: «Мне хорошо известно, что перед вами стоит множество вызовов и часто вам приходится сеять на враждебном поле, что нередко возникает искушение замкнуться за стеной из страхов, заливая раны, оплакивая былые времена, которых не вернуть, и готовя суровые ответы на едкое сопротивление. И все же мы сторонники культуры встречи. Мы живое таинство объятия между божественным богатством и нашей нищетой. Мы свидетели тому, как Бог унижает Себя и снисходит до нас, предваряя в любви самый первый наш ответ. <...> Наш метод – диалог, и это не какая-то хитроумная стратегия, а верность Тому, Кто без усталости выходит на переполненные улицы, вплоть до одиннадцатого часа, чтобы предложить людям Свою любовь (ср. *Мф.* 20, 1–16). <...> Не бойтесь совершить исход, необходимый для любого подлинного диалога. Без него невозможно ни понять доводы другого, ни осознать, что брат, которого нужно достичь и искупить силой и близостью любви, значит куда больше, чем взгляды, представляющиеся нам далекими от наших, пусть даже истинных, убеждений. Язывательный и воинственный язык разделения не приличествует устам пастыря, не вправе обжиться в его сердце, и, хотя он, кажется, обеспечивает мимолетную видимость гегемонии, лишь

долговечное очарование добра и любви по-настоящему убеждает» (*Речь во время встречи с епископами Соединенных Штатов Америки. Кафедральный собор Св. Матфея, Вашингтон, 23 сентября 2015 г.*).